

26 АВГУСТА 1934 г.

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РСФСР

№ 112 (428)

27 АВГУСТА 1934 ГОДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОСКАВА,

КОЛОННЫЙ ЗАЛ

ДОМА СОЮЗОВ

И. ОДРДАКЦИЯ В. ВАГРИЦКОГО А. ВОЛОТНИКОВА,
М. СОЛЬВИНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО,
М. СУБОКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧА

Цена 20 коп.

ВСЕ ГРОМЧЕ ЗВУЧИТ БОЕВОЙ ГОЛОС МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕЗОЛЮЦИЯ 1-го ВСЕСОЮЗНОГО СЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПО ДОКЛАДУ ТОВ. КАРЛА РАДЕКА

ВНЕСЕНА ОТ ИМЕНИ: УЗБЕНСКОЙ, ТУРКМЕНСКОЙ, ТАДЖИКСКОЙ, АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ, АРМЯНСКОЙ, ГРУЗИНСКОЙ, БЕЛОРУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИЙ.

1-й всесоюзный съезд советских писателей, заслушав доклад т. Радека о международной художественной литературе и обмен мнений по докладу, устанавливает, что, несмотря на жестокие репрессии, которые обрушиваются на рабочий класс и трудовую интеллигенцию зарубежных стран со стороны господствующего капиталистического класса, несмотря на разгул фашизма и кровавую реакцию, несмотря на то, что ряд лучших представителей революционной литературы томится в фашистских застенках, подвергаясь примеру физическому истериблению, силы революционной литературы растут так же, как и сила рабочего класса, и ее боевой голос раздается все громче, поднимая угнетенные массы на борьбу против капиталистического рабства.

Съезд советских писателей призывает своих братьев, революционных писателей всего мира, всей силой художественного слова бороться против капиталистического гната, фашистского варварства, колониального рабства, против подготовки новых империалистических войн, за защиту СССР — единства трудащихся человечества.

На примере наших писателей, прошедших славный путь со временем, небольшая группа писателей во главе с Горским пошла за партией Ленина, и до настоящего периода, когда в результате победы социализма в СССР советская литература превратилась в огромную культурную силу, стала литератором всех народов, вырастающим в своем творчестве величайшую работу трудащихся масла Советского Союза по созданию нового, социалистического строя, лучшие представители зарубежной литературы убеждаются в том, что подлинный расцвет литературы и искусства возможен лишь в условиях победы социализма.

В СССР идет великий рост культуры и творчества народных масс. В странах капитализма — экономический хаос, распад культуры, упадок науки, разложение литературы господствующих классов. И подлинные произведения искусства создаются лишь те художники слова, которые поднимают голос протesta против язв капитализма, против вспыхнувших противоречий капиталистического общества.

1-й съезд советских писателей горячо приветствует присутствующих на съезде писателей: Франции, Англии, США, Китае, Германии, Турции, Чехо-Словакии, Испании, Норвегии, Дании, Греции и Голландии, откликнувшихся на приглашение к поездке в СССР и принявших живущее участие в работе съезда.

Съезд глубоко ценит симпатии к СССР и социалистическому строительству, к новой культуре, создаваемой народами СССР, проявленные выступавшими на съезде иностранными писателями т. т. Мартин Андерсен-Нексе, Мальро, Жан Ришар Блоном, Янук Кадри, Бределем, Пльмье, Хуаном Арагоном, Бехером, Анабе и Элис.

Съезд своей братской приветствует Романа Ролланом, Андре Жиду, Ари Барбюсу, Бернард Шоу, Теодора Драйзеру, Элтону Синклеру, Генриху Манну и Лу-Си-Чю, которых мужественно выполняют свой благородный долг лучших друзей трудящегося человечества.

Съезд глубоко ценит симпатии к СССР и социалистическому строительству, к новой культуре, создаваемой народами СССР, проявленные выступавшими на съезде иностранными писателями — пленниками международной реации, защищающими интересы трудящихся масс, дело прогресса человечества, и обещает всеми силами бороться за их освобождение.

Съезд твердо уверен, что международной революционной литературе принадлежит будущее, ибо она связана с борьбой рабочего класса за освобождение всего человечества.

МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПРИНАДЛЕЖИТ БУДУЩЕЕ

Съезд писателей заслушал на заседании доклад о международной художественной литературе. Сегодня мы печатаем резолюцию съезда, имеющую несомненное историческое значение в деле развития мировой революционной литературы.

Наш съезд окружает сильные отряды революционных писателей капиталистических стран. Наш съезд выражение единства мировой революционной литературы. Иностраные писатели говорят страстно, содержательно, без недомолвок: они кровно заняты пересорванием в распахнутом пространстве литературы Советского союза; ведь и для себя лучшим уделом считают они успех советского писателя.

«Весьма многое восхищает меня в Советском Союзе истинное равенство советских людей при их вступлении в жизнь» — записал в своем дневнике Андре Жид. Эти слова лучше всего обясняют основную причину перехода многих лучших западных интеллигентов, лучших западных писателей на сторону революции. В их сознании снятые оказывается, и раньше не существовавшие в действительности противоречия между различными интеллигентами и рабочими.

Какие пути кроме революционного стоит перед колеблющимися кастрами культуры? Что может предложить им будущий?

Уже давно соратник Вандельвелье Ари де Ман заявил, что большинство народное искусство возможно только как искусство религиозное, отрываясь таким образом от искусства. От действительности, толкая его на путь антиреализма. Как бы прямо из рук социал-фашиста де Мана пришли эти лозунги французских фансируистов.

Всюду видны и немножко складываются на методах старого повествования и старого описания. Художники изучают мир точно такими, как его изучал писатель прошлого из коллекции. Такое же понятие о мире, какое было у писателя из коллекции, и говорят о нем и некоторые художники.

Мы рассматриваем произведения искусства, особенно те, которые относятся ко второй половине XIX века, как оправдательные документы.

Эти произведения — типичный продукт общества, в котором царят хаос.

Они блестящие и красоречивые сподвижники узлового общества, вырождающиеся морально, интеллектуально, социально и, прежде всего, политически.

Мы чувствуем, видим и уверены, что в наших сердцах произошла революция. Мы с нетерпением ждем от поэтов и художников нового слова.

Что будет это слово? В некоторых революционных странах, в том числе и Турции, художники не сумели еще создать ничего долговечного, действительно отражающего его время.

Очевидно, у тех, кого мы называем современными художниками, способность видеть и немножко складываться на методах старого повествования и старого описания. Художники изучают мир точно такими, как его изучал писатель прошлого из коллекции. Такое же понятие о мире, какое было у писателя из коллекции, и говорят о нем и некоторые художники.

Можно сказать, что гигантские темы созданы циклопами. Человеческая эпоха по своей силе превосходит легенды всего мира. Из этого источника вдохновения писатели национальных народов, включая и турецкого писателя, могут черпать интеллектуальные и моральные сокровища.

В Анатолии моя нация должна быть 3 года борьбы за освобождение.

Весь империалистический мир стремится ее поработить. Золото и другие монеты были мобилизованы капиталистическим миром для испребления турецкой нации. Это был начальный период нашей истории. И Турция сумела с честью разбить цепь рабства, показав совершенство мира чудо, которое может совершившееся, стремление к победе или смерти.

Против броненосцев мы сумели выставить лишь запрятанные боями легионы, против эскадрильи у нас было 3 или 4 аэропланы, у нас не хватало ружей, чтобы одержать победу в решительной битве.

Тогда вся культура, наше общество, построенные на новых основаниях, даст нам свои замечательные плоды. Оно даст их сплошно и обильно. Для того чтобы подготовить почву благодетельного для поэтов нового Веймарса, нужно заслужить право именем терпимости.

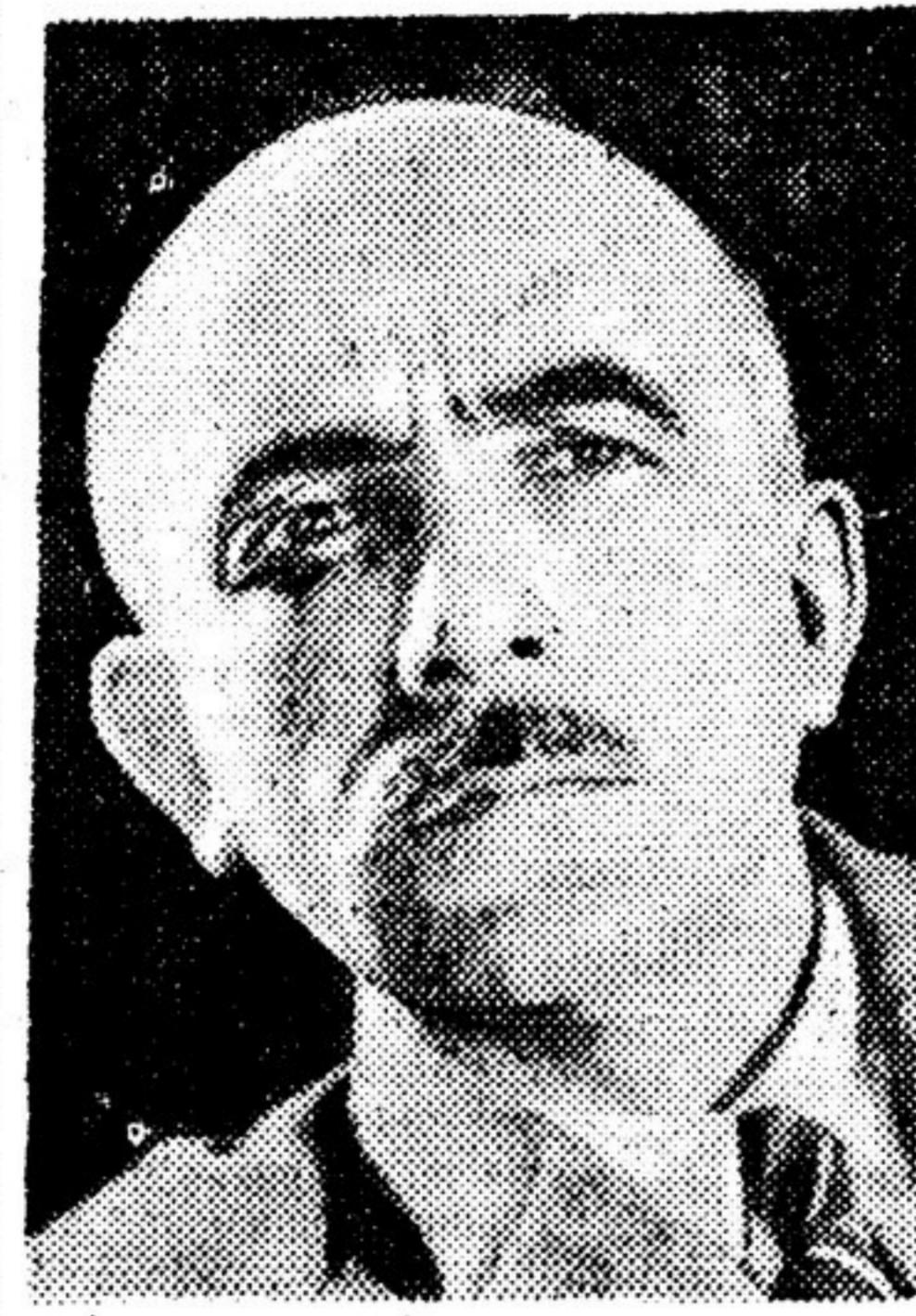
Нужно отметить, что эта эпоха идейной терпимости была достигнута не заключением Уtrechtского мирного договора. Это явилось скорее следствием победоносной борьбы СССР против протестантской холостяжки. 30-летняя война является собственно говоря, своеобразной революционной фазой, борьбой за свободу совести, и поскольку свобода совести является не только простым политическим правом, литературная и художественная эпоха со временем.

Когда этого не будет, то это означает, что коммунистической партии по Франции массы не пойдут. Он долго верил в иллюзию: капитализму должны противостоять «свободный союз революционных умов»; сегодня он просит нас «оказать доверие революционному институту широких масс».

В своей резолюции съезд отмечает, что несмотря на разгул фашизма и кровавую реакцию, революционная

ВЧЕРА НА СЕЗДЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА ТОВ. КАРЛА РАДЕКА

ЭРА ВЕЛИКОГО ИСКУССТВА РЕЧЬ ЯКУБ КАДРИ

— Друзья и собратья! Если я вас называю друзьями, это потому, что я принес вам приветствовать от имени моих друзей из разных стран, которые поднялись в одинаковый момент времени в борьбе против капитализма и империализма.

Судьба старой Турции была одинаковой с судьбой пролетариата всех стран. Чувовице капитализма пытались плотью и кровью рабочего класса Европы так же, как пытались плотью и кровью анатолийских крестьян.

Какова же эпоха, в которой мы живем? С одной стороны, капитализм, отставший от своего существования в парламентских формах, с другой стороны, коммунистический мир так, как он представлен в Советской России. Третий мир, другая фаза капитализма, предстал в виде капитализма, который является лишь реакцией на два первых мира — капитализмом, мелкобуржуазным, национальным, национализмом, национальным флагом, национальной идеей. Такой же мир, как и в прошлом, но с новыми проблемами. Решение этих проблем должно быть основано на единстве и взаимодействии национального и международного единства.

Сегодня мы можем сказать, что мы должны признаться, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Мы должны признаться, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

Сегодня мы можем сказать, что наше единство и взаимодействие не было достигнуто.

СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДОКЛАД ТОВ. НАРЛА РАДЕКА НА ПЕРВОМ

— Товарищи, Алексей Максимович в своем докладе широкими мазками набросал картину развития литературы от момента, когда перасколько еще на классы человечества в песнях и сказках отражало свою борьбу за жизнь, до момента начала распада буржуазной литературы. История литературы классического общества — это история отрывка литературы от жизни народных масс. Понятно, что в этой большой истории есть первобытная и упадка, но в целом это литература, оторванная от того, чем в действительности живет народная масса.

На мой долю выпала характеристика последнего периода этой литературы, периода, когда все парадигматические, все упакованные тенденции буржуазной литературы выступили на наиболее ярко, когда параллельно материальному развитию в загнивании капитализма происходит загнивание мировой капиталистической литературы.

Само собой понятно, что так же, как загнивание капитализма не является сплошным процессом, поскольку в период загнивания капитализма мы имеем явление временного прогресса на известных участках, в известных областях, — точно так же литература, зависящая от капитализма в состоянии еще в известных областях, должна давать произведения большого искусства.

Само собой понятно, что так же, как загнивание капитализма не является сплошным процессом, поскольку в период загнивания капитализма мы имеем явление временного прогресса на известных участках, в известных областях, — точно так же литература, зависящая от капитализма в состоянии еще в известных областях, должна давать произведения большого искусства.

Даже такие люди, как Анатоль Франс, глубочайший скептик, человек привыкший даже в восстании аллегорий искать материальную подоплеку, — и он верил в то, что война возникла без полных экономических причин, без борьбы трестов и картелей, «поклонился этой войне».

Из крупных буржуазных писателей вождюющих стран только великий гуманист Роман Роллан не капитулировал перед Молохом империализма, заслонив лицо от ужасов войны, пытаясь лечить раны ее, организуя помощь воинопленным.

Только два писателя с мировым именем оказались в это время противники войны. Это — Максим Горький, который уже тогда показал, как правил Ленин, называя его пролетарским писателем, и наш старейший друг т. Андерсен Нексе. (Аплодисменты). И это, исподтиши, было не случайно, побоища были представителями рабочего класса.

Только когда началось глубокое брожение в народных массах, уставших от войны, появляется первая ласточка против войны, и снова не случайная, как показала история: Ари Барбье выступает в 1916 г. со своей книгой «В огне», которую Владимир Ильин и все мы, бывшие с ним в Нивелии, сразу определили как выражение начала протеста народных масс против войны.

В своей книге, знание которой в первую очередь состоит в том, что она с насыщенной правдивостью рисует лицо как катаргу и ад народных масс, Барбье выводит капрала Берни Бергтрама, который ставит себе вопрос: Но, каково я, чтобы мои руки трудились и мысли работала. Я хочу быть скромным и итти вперед, даже когда хотелось бы остаться на месте. Надо многое восстановить, надо много работать. Надо откликнуться, что было засыпано в годы гранат и пулеметов. Но на всякий должен быть пионером. Нужны и более сплоченные и малые силы. Среди них я постараюсь найти свое место, и тогда мертвые замолчат и прошлое не будет преследовать меня, а помогать.

«Чтобы мой может быть пионером!

Ремарк не хочет быть пионером борьбы против империалистической войны, но капрал Бергтрам, наставляемый Карлом Либихом, сказал одновременно:

«Однако это настоящие необходи-мые, необходимые! Позор воинской славы, позор армии, позор революции солдата, превращающие-му людей поочередно то в бе-змозглых жертв, то в под-пальчей. Да, позор! Это правда, но это слишком правдиво! Правда для вечности, но еще не для нас. Это будет правдой, когда ее подтверж-нут среди других истин, по-стичь-ке которые мы сумеем лишь позже, когда очистится дух нас, но мы еще далеки от того. Те-перь, в данный момент, эта правда — почти заблуждение, это священное слово — только бо-гучество».

Честный, думающий солдат, он видел восстание против империализма только в далеком будущем. Вспоми-нимая империалистическую войну как настоящую, против которой нельзя бороться, он выражал усталость народных масс, но не выражал еще дух восстания. И до конца войны мы в одной капиталистической стране не нашли выражения в ли-тературе этого духа восстания.

Империализм держал в своих руках мировую литературу буржуазии и заставил ее служить интересам империалистической войны. И только после войны, когда Октябрьская революция и революционное движение во всех странах заставили буржуазию сомневаться, можно ли рискнуть еще раз бросить народные массы в омут, из которого они выходят носителями революции, появляются во всех странах широкая патриотическая литература, противостоящая против войны. Эта литература громадна. Нельзя переписать всех авторов, которые после войны выражали отвращение к войне. Самый известный из всех этих писателей — это Ремарк, и стоит остановиться на его романах, потому что они показывают, что эта литература продолжает жить подчинением империализму.

Печатается по сокращенной стено-графии.

Задача состоит в том, чтобы увидеть и показать общую линию этого развития. Эта общая линия развития должна быть проверена в первую очередь на отношении литературы к тем крупнейшим фактам, которые определили историю человечества за последние 20 лет, которые литература должна была отражать.

Современная литература — это литература, которая начинается с мировой войны. Понятно, между нею и литературой предыдущего этапа нет полного разрыва, она является продолжением прошлого творчества. Но мировая война и здесь, как и во всех областях общественной жизни, провела резкую грань.

Современная литература — это литература, которая начинается с мировой войны. Понятно, между нею и литературой предыдущего этапа нет полного разрыва, она является продолжением прошлого творчества. Но мировая война и здесь, как и во всех областях общественной жизни, провела резкую грань.

Три крупнейших исторических события последних 20 лет являются тем критерием, по которому мы проверяем содержание и направление мировой литературы. Эти три события следующие: мировая война, Октябрьская революция и приход фашистов в Европу.

Они показывают, что мировая война

сказала, что можно будет еще избежать войны. В романе «Диктатор и мистер Перхем» он выводит фашизм в Англии, который начинает войну против СССР. Война кончается в Америке.

В Германии возникает новая «германская» литература. Все эти Иости, Бемельбурги и др. (это люди, которые начали идейную подготовку к войне), провозглашают, что пущенное мусо, расстрелянное в последнюю войну, — это не жертвы человечества, главу к новой войне, как неизбежной необходимости.

Написано вполне окончательное заявление нацистской идеи в литературе. Они показывают, что мировая война

и ее усиление в момент революционного подъема 1918—1923 гг., сме-

няет массы в миллионах экз. Сегодня — роман о войне с Советским Союзом, завтра — роман о войне с Америкой.

В Германии возникает новая «германская» литература. Все эти Иости, Бемельбурги и др. (это люди, которые начали идейную подготовку к войне), провозглашают, что пущенное мусо, расстрелянное в последнюю войну, — это не жертвы человечества, главу к новой войне, как неизбежной необходимости.

С точки зрения искусства литература эта не имеет никакой ценности. Это — реклама для фабрик будущих мертвцов. И снова надо сказать, что

мертвцов, которое разрывает, разрывало всю почву капитализма, надо сказать: мировая литература буржуазии выполнила свою задачу. Она не стала голосом протеста и голосом борьбы против мирового империализма, она стала средством восхваления войны или усиления боевой готовности пролетариата.

Пролетарская литература Запада делает только первые шаги. В целом можно найти ряд пропагандистских материалов, которые обращаются именно к бунту народных масс против войны. Это сочинения разной ценности, но все-таки о романе И. Бехера, который эту войну подготовляет, и спасает человечество. Два года спустя Г. Уэллс, изучая судьбы Европы, дописывает новую главу к своей истории человечества, главу о новой войне, как неизбежной необходимости.

С точки зрения искусства литература эта не имеет никакой ценности.

Это — реклама для фабрик будущих мертвцов.

Продолжая литература Запада делает только первые шаги. В целом можно найти ряд пропагандистских материалов, которые обращаются именно к бунту народных масс против войны. Это сочинения разной ценности, но все-таки о романе И. Бехера, который эту войну подготовляет, и спасает человечество.

Наша японская товарищи списали себе бессмертную славу. Несмотря на весь бешеный гнезд империалистической цензуры, несмотря на то, что тюрем Японии заполнены бойцами пролетариата, молодежи пролетарской литературы Японии сумела отразить даже Боржевы в германском флоте, берег начало пролетарской анти-войны литературы. Целью же национализирующих пролетарских писателей не только выражают протест против войны, но пытаются отразить борьбу народных масс против войны.

Наша японская товарищи списали себе бессмертную славу. Несмотря на весь бешеный гнезд империалистической цензуры, несмотря на то, что тюрем Японии заполнены бойцами пролетариата, молодежи пролетарской литературы Японии сумела отразить даже Боржевы в германском флоте, берег начало пролетарской анти-войны литературы.

В драме под заголовком «Чересчур верно, чтобы было хорошо» он выражает старого англичанина, атеиста, который таким образом характеризует нынешнее состояние капиталистического мира:

«Мир рушится, мир Исаака Ньютона, который стоял на избывшей крепости нашей культуры три столетия, рушится, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬKO ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛЛИОНЫ ТОВАРИЩЕЙ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫНОСИЛИ ДИКТАТУРУ СВИНЕЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЛИ ТОЛЬКО ОДНО КАЧЕСТВО, ЧТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ИМЕЛИ ДЕНЬГИ».

Что основное в этих взглядах? Это взгляды, опирающиеся на известные факты — на то, что социал-демократия, П. Ильин, опирается на то, что буржуазия погнала рабочих в мировую войну, как стадо, как скот, свинья, который выходит против него как равный членов. Вы МЕНЯ не ИСКАЖИТЕ! Я МИЛ

СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРСКОГО ИСКУССТВА

ДОКЛАД ТОВ. КАРЛА РАДЕКА НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

лись на баррикадах, их расстреляли. Разве Джоэс дает подлинный кинескопик жизни? Нет. У Джоэса выбор объекта его кинескопик определяется его точкой зрения. Джоэс не давал сопокупности жизни, он выбирал моменты, характеризующие никчемность мелкой буржуазии, не сумел увидеть ее такую, какую она была в боях. Таким образом, вы имеете не какой-то новый объективный метод показа жизни, а просто отбор явлений жизни с точки зрения мелкого буржуаза, не видящего выхода из кризиса культуры.

Но пойдем дальше. Само собой понятно, что нам этот микроскопический метод в нашей литературе не нужен. Если мы хотим отобразить, что движает рабочего, который вчера жил в деревне, а теперь, на заводе, борется изо всех сил за победу своего завода, за победу социализма, то для понимания этого вам не нужны микроскопические снимки. Для понимания этого надо вдуматься в самые основные моменты жизни народных масс, надо вдуматься в то, как жили эти народные массы, попутчай, что завод дает автору колхознику нового по сравнению с тем, что было раньше, что он в нем вызвал, для этого микроскопом вам не нужен.

Это не значит, что не надо показывать конкретно, как перерождается человек, чтобы стать ударником, если мы хотим отобразить, что движет рабочего, который вчера жил в деревне, а теперь, на заводе, борется изо всех сил за победу своего завода, за победу социализма, то для понимания этого вам не нужны микроскопические снимки. Для понимания этого надо вдуматься в самые основные моменты жизни народных масс, надо вдуматься в то, как жили эти народные массы, попутчай, что завод дает автору колхознику нового по сравнению с тем, что было раньше, что он в нем вызвал, для этого микроскопом вам не нужен.

Когда я прочел в «Наге» действительный отчет рабочих, бежавших из германского концентрационного лагеря, на вопрос о том, что они читали в лагере, когда я узнал, что они в концлагере, где их избивали французские дружинники, находили силы читать «Бруски». Панфирова, чувствовала гордость за нашу литературу.

Но мы не зазнайки, и Ленин и пучинный ученик Ленина т. Сталин всегда учили нас: не хвастайтесь, не называйтесь.

Если мы хвалим нашу литературу как первую, то мы в то же время признаем, что наша литературные успехи — не только заслуга самой литературы, а в первую очередь результат того, что мы построили фундамент социализма. И мы хотим, чтобы наши зарубежные товарищи признавали нам. Мы будем счастливы, когда мы сможем сказать, что германские, японские, польские, французские народные массы создали литературу лучше, чем наша.

Мы должны говорить нашим писателям: учтите у лучших мастеров пролетарской революционной литературы за границей, помогите им создать картину нашей страны, убедительную для иностранных рабочих, а наших иностранных товарищах мы говорим: под знаменем борющегося пролетариата — это будет литература победы международного социализма! (АПЛОДИСМЕНТЫ.)

ВЧЕРА В ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЕМ

Это следовало бы охарактеризовать как реализацию метафоры — присямы, распространенный в литературе. До сих пор писатели шествовали ст严密的里, присягали на честном слове. Здесь — без всяких фигуразных выражений — они выстроились в ряды и двинулись во главе шествия. Впрочем, не сразу.

Они рано приехали в парк и временно было еще много. Писатели разбрелись по парку. Пионеры вели на лужайках веселые свои игры, заливший гости, немецкий писатель Оскар Мария Граф, не выдержав, первым присоединился к пионерам. У него наплыло немало подражателей среди почтенных делегатов села. Так что только открытие выставки «16 лет советской литературы» прервало всеобщее веселье...

О выставке, вероятно, будет не мало еще написано. Материалы ее наждаются в сердце изучения и мы не сомневаемся, что критика позашапка им. Тогда, может быть, будут найдены упоминания, методологические ошибки. Но при первом взгляде на выставку она волнует позором огромного пути, гигантских побед, одержанных советской литературой в кратчайший исторический срок.

После кратких выступлений тт. Юмара и Альтмана делегаты съезда осмотрели выставку. И почти каждый задерживался у некоего места, увешанного обложками своих книг...

А затем и выстроились писатели в ряды. Следуя истине, надо принять, что ряды эти особой стройностью не отличались. Не беда! Зато каждый, идущий в рядах, ощущал неизменное волнение, вызванное обстановкой необычайного этого шествия.

Поистине трогательна любовь, которой пролетариат Москвы окружает лучших представителей советской литературы, заседающих в Колонном зале. Эта любовь — во всеобщем восхищении, которое сказывается в глазах, в голосах. Всем, кто сидел в зале, в рядах делегатов села. Так что открытие выставки прервало всеобщее веселое.

Но вот встреча состоялась. Впереди шествовала оркестр. За ним — слово, которое из песни не выкинешь — дружеские упреки советской литературе, остроумно выполненные в виде огромных картонных фигур. Тут был «ударник» с

безжизненной улыбкой, протянутой до ушей. Тут были пионеры, — несомненно красноспасные болванчики, несшие на плечах «пишатели», неизображайте нас такими! Тут был «крылья», на узлом кольце которого висела угрожающая птица «ревенчика». Тут была, наконец, и вовсе мрачная фигура с испытанным лицом и перевязанной шеей... Но по сторонам аллеи стояли люди, всем видом своим свидетельствующие, что недостатки нашей литературы не заставляют от читателей значительных ее достижений.

От выставочного зала до Зеленого театра — добрый километр. И все это расстояние писатели прошли как по коридору. Стены этого коридора состоят из людей, восторженно приветствовавших шествие, узнававших лица, знакомые по портретам, называвших книги, чьи создатели проходили здесь.

А вперед шел будничный день парка. Неподалеку от веселого аттракциона на плаката — «Вчера будет беседа о последних событиях в Германии», стояла немалая толпа лю-

дей. Почти рядом с физкультурной площадкой множество внимательных глаз склонилось к страницам книг в читальные кульбаки. Под звуки оркестра, донесшиеся с воротами, работала литературная консультация, окруженная жаждущими приобщиться к тайнам писательского мастерства. И это было как бы на глазах демонстрации того, откуда появился, как вырос этот жаждущий, этот столь отзычивый в такой любовь читатель, приветствующий живых создателей литературы на территории парка.

На пути следования писателей стоял Художественный театр, и Каирский, и другие, — смежные отряды, вышедшие приветствовать головную колонну советского искусства. Далее расположились литературные кружки крупнейших предприятий Москвы. Дождавшись того, когда последняя ширма людей минует их, все эти группы и группы любовных читателей, приветствующий живых создателей литературы на территории парка.

Следуя истине, надо принять, что ряды эти особой стройностью не отличались. Не беда! Зато каждый, идущий в рядах, ощущал неизменное волнение, вызванное обстановкой необычайного этого шествия.

Все эти дни рабочие делегации шли к писателям, чтобы прехвачивать им большой, далеко еще не оплаченный счет массового читателя Советской страны.

Ряд писателей с московским пролетариатом говорил от имени иностранных гостей съезда немецкий революционный писатель Теодор Пливе.

Слушая сегодня музыку ваших оркестров, виши вашу жизнерадостность и бодрость, наблюдавшая, как вы развлекаетесь и отдыхаете, я не могу не вспомнить другую страну, где свобода затоптана солдатскими сапогами, где книга, отражающая величие человеческой мысли, предается сожжению, где парит мрак жуткого Средневековья, — я не мог не вспомнить мою родину, Германию.

Я знаю: неизбежен день нашей победы, день, когда мы освободимся от фашистских изувечников Германии. Взойдет красное знамя революционных Советов. Этой надеждой мы живы, надеждой, сливающейся с чистым любовью и благогардостью к вам, лучшим пролетариям советской столицы!

Собрание приняло обращение в московское пролетариату.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ ТОВ. КАРЛА РАДЕКА

ДВА ФРОНТА

РЕЧЬ тов. ТЕОДОРА ПЛИВЕ

но антивоенная литература имела свою долю в этих восстаниях, и можно сказать, что она развивалась параллельно растущему антивоенному настроению. Этого, конечно, недостаточно. Революционная литература должна идти впереди, она должна предвидеть события и раскрывать дальнейшие перспективы.

Но в действительности эта литература была только антивоенной. Она не заглядывала дальше окончания войны. И в этом была ее великая ошибка и слабость.

Когда я вспоминаю об антивоенных книгах, вышедших в первое десятилетие после окончания войны, и вижу, как т. Радек в своем докладе подробно останавливается на книге Ремарка «На Западе без перемен», то я спрашиваю себя, почему другие книги, которые с нашей точки зрения более значительны, чем книга Ремарка, не заняты в этом докладе. О некоторых даже не было упомянуто. Например, роман Арнольда Цвейга «Сергант Гриша», имеющий мировой успех, если и не выходит за пределы панифицированной идеологии, то все же был попыткой заглянуть за кулисы войны, т. е. сделать именно то, чего т. Радек не сделал.

Что касается влияния антивоенной литературы в рядах сражавшихся на фронте, я помню, что мы, матросы военного флота, среди которых было правильное представление о великом капитализме, рождающемся социализма.

Когда я прочел в «Наге» действительный отчет рабочих, бежавших из германского концентрационного лагеря, на вопрос о том, что они читали в лагере, когда я узнал, что они в концлагере, где их избивали французские дружинники, находили силы читать «Бруски». Панфирова, чувствовала гордость за нашу литературу.

Но мы не зазнайки, и Ленин и пучинный ученик Ленина т. Сталин всегда учили нас: не хвастайтесь, не называйтесь.

Если мы хвалим нашу литературу как первую, то мы в то же время признаем, что наша литературные успехи — не только заслуга самой литературы, а в первую очередь результат того, что мы построили фундамент социализма. И мы хотим, чтобы мы можем сказать, что германские, японские, польские, французские народные массы создали литературу лучше, чем наша.

Мы должны говорить нашим писателям: учтите у лучших мастеров пролетарской революционной литературы за границей, помогите им создать картину нашей страны, убедительную для иностранных рабочих, а наших иностранных товарищах мы говорим: под знаменем борющегося пролетариата — это будет литература победы международного социализма!

(АПЛОДИСМЕНТЫ.)

Я хочу сделать несколько замечаний по поводу доклада т. Радека о международной литературе и именно о той части его, где речь идет о литературе антивоенной.

Что касается влияния антивоенной литературы в рядах сражавшихся на фронте, я помню, что мы, матросы военного флота, среди которых было правильное представление о великом капитализме, рождающемся социализма.

Когда я вспоминаю об антивоенных книгах, вышедших в первое десятилетие после окончания войны, и вижу, как т. Радек в своем докладе подробно останавливается на книге Ремарка «На Западе без перемен», то я спрашиваю себя, почему другие книги, которые с нашей точки зрения более значительны, чем книга Ремарка, не заняты в этом докладе. О некоторых даже не было упомянуто. Например, роман Арнольда Цвейга «Сергант Гриша», имеющий мировой успех, если и не выходит за пределы панифицированной идеологии, то все же был попыткой заглянуть за кулисы войны, т. е. сделать именно то, чего т. Радек не сделал.

Что касается влияния антивоенной литературы в рядах сражавшихся на фронте, я помню, что мы, матросы военного флота, среди которых было правильное представление о великом капитализме, рождающемся социализма.

Когда я вспоминаю об антивоенных книгах, вышедших в первое десятилетие после окончания войны, и вижу, как т. Радек в своем докладе подробно останавливается на книге Ремарка «На Западе без перемен», то я спрашиваю себя, почему другие книги, которые с нашей точки зрения более значительны, чем книга Ремарка, не заняты в этом докладе. О некоторых даже не было упомянуто. Например, роман Арнольда Цвейга «Сергант Гриша», имеющий мировой успех, если и не выходит за пределы панифицированной идеологии, то все же был попыткой заглянуть за кулисы войны, т. е. сделать именно то, чего т. Радек не сделал.

Что касается влияния антивоенной литературы в рядах сражавшихся на фронте, я помню, что мы, матросы военного флота, среди которых было правильное представление о великом капитализме, рождающемся социализма.

Когда я вспоминаю об антивоенных книгах, вышедших в первое десятилетие после окончания войны, и вижу, как т. Радек в своем докладе подробно останавливается на книге Ремарка «На Западе без перемен», то я спрашиваю себя, почему другие книги, которые с нашей точки зрения более значительны, чем книга Ремарка, не заняты в этом докладе. О некоторых даже не было упомянуто. Например, роман Арнольда Цвейга «Сергант Гриша», имеющий мировой успех, если и не выходит за пределы панифицированной идеологии, то все же был попыткой заглянуть за кулисы войны, т. е. сделать именно то, чего т. Радек не сделал.

Что касается влияния антивоенной литературы в рядах сражавшихся на фронте, я помню, что мы, матросы военного флота, среди которых было правильное представление о великом капитализме, рождающемся социализма.

Когда я вспоминаю об антивоенных книгах, вышедших в первое десятилетие после окончания войны, и вижу, как т. Радек в своем докладе подробно останавливается на книге Ремарка «На Западе без перемен», то я спрашиваю себя, почему другие книги, которые с нашей точки зрения более значительны, чем книга Ремарка, не заняты в этом докладе. О некоторых даже не было упомянуто. Например, роман Арнольда Цвейга «Сергант Гриша», имеющий мировой успех, если и не выходит за пределы панифицированной идеологии, то все же был попыткой заглянуть за кулисы войны, т. е. сделать именно то, чего т. Радек не сделал.

Что касается влияния антивоенной литературы в рядах сражавшихся на фронте, я помню, что мы, матросы военного флота, среди которых было правильное представление о великом капитализме, рождающемся социализма.

Когда я вспоминаю об антивоенных книгах, вышедших в первое десятилетие после окончания войны, и вижу, как т. Радек в своем докладе подробно останавливается на книге Ремарка «На Западе без перемен», то я спрашиваю себя, почему другие книги, которые с нашей точки зрения более значительны, чем книга Ремарка, не заняты в этом докладе. О некоторых даже не было упомянуто. Например, роман Арнольда Цвейга «Сергант Гриша», имеющий мировой успех, если и не выходит за пределы панифицированной идеологии, то все же был попыткой заглянуть за кулисы войны, т. е. сделать именно то, чего т. Радек не сделал.

Что касается влияния антивоенной литературы в рядах сражавшихся на фронте, я помню, что мы, матросы военного флота, среди которых было правильное представление о великом капитализме, рождающемся социализма.

Когда я вспоминаю об антивоенных книгах, вышедших в первое десятилетие после окончания войны, и вижу, как т. Радек в своем докладе подробно останавливается на книге Ремарка «На Западе без перемен», то я спрашиваю себя, почему другие книги, которые с нашей точки зрения более значительны, чем книга Ремарка, не заняты в этом докладе. О некоторых даже не было упомянуто. Например, роман Арнольда Цвейга «Сергант Гриша», имеющий мировой успех, если и не выходит за пределы панифицированной идеологии, то все же был попыткой заглянуть за кулисы войны, т. е. сделать именно то, чего т. Радек не сделал.

Что касается влияния антивоенной литературы в рядах сражавшихся на фронте, я помню, что мы, матросы военного флота, среди которых было правильное представление о великом капитализме, рождающемся социализма.

Когда я вспоминаю об антивоенных книгах, вышедших в первое десятилетие после окончания войны, и вижу, как т. Радек в своем докладе подробно останавливается на книге Ремарка «На Западе без перемен», то я спрашиваю себя, почему другие книги, которые с нашей точки зрения более значительны, чем книга Ремарка, не заняты в этом докладе. О некоторых даже не было упомянуто. Например, роман Арнольда Цвейга «Сергант Гриша», имеющий мировой успех, если и не выходит за пределы панифицированной идеологии, то все же был попыткой заглянуть за кулисы войны, т. е. сделать именно то, чего т. Радек не сделал.

Что касается влияния антивоенной литературы в рядах сражавшихся на фронте, я помню, что мы, матросы военного флота, среди которых было правильное представление о великом капитализме, рождающемся социализма.

Когда я вспоминаю об антивоенных книгах, вышедших в первое десятилетие после окончания войны, и вижу, как т. Радек в своем докладе подробно останавливается на книге Ремарка «На Западе без перемен», то я спрашиваю себя, почему другие книги, которые с нашей точки зрения более значительны, чем книга Ремарка, не заняты в этом докладе. О некоторых даже не было упом